

И. Н. Сиротинский

Историко-литературная концепция
П. А. Вяземского

П. А. Вяземский оставил заметный след в разработке отечественной литературной историографии 10—30-х годов XIX века. Имя его пользовалось в свое время всеобщим признанием, его печатные выступления не оставляли равнодушным никого как в среде единомышленников, так и в стане литературных противников. Многочисленные статьи и заметки Вяземского о крупнейших представителях литературного процесса XVIII века, его обширнейшее эпистолярное наследие позволяют видеть в нем выдающегося истолкователя истории русской литературы. «Твое мнение должно быть законом в нашей словесности»¹, — небезосновательно заявил в письме к Вяземскому А. С. Пушкин.

Рассматривая литературу как «выражение народа», «водительницу жизни», Вяземский выдвигал требование изучать ее в органической связи с историей общества и дал замечательный и едва ли не первый в русском литературоведении образец такого изучения в своей монографии «Фонвизин», удостоившейся высокой похвалы В. Г. Белинского. «В русской литературе, — подчеркивал великий критик, — нет ничего подобного в этом роде, и нет сомнения, что только один князь Вяземский мог бы у нас написать историю литературы русской в отношении к обществу, так, чтоб это была история литературы и история цивилизации в России от Петра Великого до нашего времени»².

Общественно-политическая и литературная деятельность Вяземского неоднократно привлекала внимание историков литературы, однако наиболее значительные исследования о нем советских³ и зарубежных⁴ авторов принадлежат последним десятилетиям. В современном литературоведении наименее освещенным аспектом деятельности Вяземского остаются его историко-литературные взгляды, часто недооценивавшиеся, а иногда и вовсе игнорировавшиеся историками

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах, т. 13. Л., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 89.

² В. Г. Белинский — критик. — В. кн.: Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. 4, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 454.

³ Важнейшие из них: Н. И. Мордовченко, П. А. Вяземский. — В кн.: Русская критика первой четверти XIX века. М., Изд-во АН СССР, 1959; М. И. Гиллельсон. Вяземский — критик. — В. кн.: История русской критики, ч. 1, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958; Ю. М. Лотман. Вяземский и движение декабристов. — Ученые записки Тартуского университета, вып. 98. Тарту, 1960; М. И. Гиллельсон, П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., «Наука», 1969.

⁴ G. Wy t z e r s. Pjotr Andreevič Vjazemskij. Wien, 1961.

литературы как лишенные какой бы то ни было самостоятельности и не представляющие сколько-нибудь значительного научного интереса.

Между тем не подлежит сомнению, что всякая недооценка историко-литературных суждений Вяземского делает неполными представления о состоянии литературной историографии первой трети XIX века, ставшей той почвой, на которой развилась и созрела историко-литературная концепция Белинского. Показать в общих ее чертах историко-литературную концепцию Вяземского и составляет задачу настоящей работы, не претендующей, разумеется, на полноту освещения затронутых в ней вопросов.

В основе историко-литературной концепции Вяземского лежит чрезвычайно важная теоретическая проблема об отношении литературы к действительности.

Впервые постановка этой проблемы намечается уже у И. М. Борна, пытающегося в своем «Кратком руководстве к российской словесности» (1808) соединить два способа изучать историю литературы — как «историю русского стихотворства» и как «историю просвещения в России» — и создать «историю российской словесности»⁵. Продолжателем этой линии исследования истории литературы был Н. И. Греч, ставивший развитие литературы в зависимости от уровня образованности общества, ибо литература, по его убеждению, и должна определять «истинную степень его (народа. — И. С.) просвещения»⁶.

Связь литературы с жизнью, решительно признанная Вяземским существенной особенностью первой, становится исходным пунктом всех его историко-литературных суждений и определяет своеобразие его историко-литературной концепции.

«История литературы народа, — декларировал Вяземский, — должна быть вместе историей и его обогащения. Только в соединении с нею может она иметь для нас нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литературе, рассматриваемой вами, не отражаются мнения, страсти, оттенки, сами предрассудки современного общества; если общество, предстоящее наблюдению вашему, чуждо господству и влиянию современной литературы, то можете заключить безошибочно, что в эпохе, изучаемой вами, нет литературы истинной, живой, которая не без причины названа выражением общества»⁷.

Эта формула содержит в себе методологические принципы научного понимания историко-литературных явлений, а также определяет новый подход к оценке эстетических достоинств литературного наследия прошлого.

Центральное место в историко-литературной концепции Вяземского занимают рассуждения о двух «началах» — ломоносовском и кантемировском — в русской литературе XVIII века, в которых отношение писателя к изображаемой действительности выразилось по-разному. Оба эти начала, по мнению Вяземского, отразили разные стороны исторической жизни русского общества.

Так, высское, ломоносовское начало, по Вяземскому, было вызвано к жизни громкими победами России на ратном поле, а не медленными успехами на ниве просвещения, что в концепции Вяземского приобретает весьма существенное значение. Высокая поэзия явилась наиболее удобной для выражения патриотических чувств русского общества, под

⁵ П. Н. Берков. Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII в. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. 4, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 82.

⁶ Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб, 1822, стр. 3.

⁷ П. А. Вяземский. Фонвизин. СПб, 1848, стр. 1. В дальнейшем цитируется по этому изданию.

гром полтавских пушек на виду у всей изумленной Европы входившего в круг могучих государств. «Сии грома, сии торжественные победные молебствия, — подчеркивал Вяземский, — отозвались в поэзии нашей и дали ей направление. Следующие эпохи, более или менее ознаменованные завоеваниями, войнами блестящими, питали в ней сей дух воинственный, сию торжественность, которая может быть в последствие времени была уже более привычка и подражание, и поэтому неудовлетворительна; но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характер нашего политического быта...»⁸

Аналогичную мысль о героическом образовании русского гражданского общества высказал позднее Н. В. Гоголь в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846). Ответом русского общества на невиданные дотоле успехи петровской России, по Гоголю, был всеобщий восторг, который «отразился в нашей поэзии, или лучше он создал ее. Вот почему поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение»⁹.

Наиболее полное развитие высокое начало получило, по мнению Вяземского, в одической поэзии Ломоносова, Петрова и Державина, трех «присяжных бардов» народа, празднующего победы. Замечательно, что высокий мажорный характер, общий для творчества этих поэтов, выводится Вяземским не из их личных свойств, а из исторически конкретных условий бытия, при этом индивидуальное своеобразие каждого из них не нивелируется. Благодаря этому Вяземский смог совершенно точно определить сущность «высокой» поэзии позднейших авторов как холодное заимствование, механическое перенесение выпренности, не отвечающей ни в малой степени ни духу самой поэзии, ни характеру эпохи.

Ломоносовскому направлению Вяземский противопоставляет направление кантемировское, или, по его определению, «исправительное и сатирическое», которому и отдает он предпочтение, видя в нем возможность осуществления идеи связи литературы с действительностью. К чести Вяземского надо признать, что он не побоялся высоко оценить достоинства сатирического творчества Кантемира, под устаревшими формами которого он обнаружил элементы здоровой самобытности, в то время как его современники начисто отрицали какое бы то ни было значение поэтического наследия этого писателя. Так, например, Н. А. Полевой заявил в своей статье «Русские классики»: «Как поэтические создания, как самобытные русские произведения, сатиры Кантемира не имеют никакого права на наше внимание»¹⁰.

В оценке творчества Кантемира Вяземский продолжает прогрессивную линию, начатую Карамзиным в «Пантеоне российских авторов» (1801—1803). «Наш Ювенал, — писал Карамзин о Кантемире, — Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога. Он писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом для современников»¹¹. В русле карамзинской традиции оценивали творчество Кантемира Жуковский¹², Батюшков¹³ и Греч.

Но в отличие от некоторых своих предшественников, например, Н. И. Греча, абсолютизовавшего оригинальность и неподражаемость

⁸ П. А. Вяземский. Фонвизин, стр. 6.

⁹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений в 14-ти томах, т. 8. Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 370.

¹⁰ Н. А. Полевой. Очерки русской литературы, ч. 1. СПб, 1839, стр. 378.

¹¹ Сочинения Карамзина, т. 7, СПб, 1834, стр. 269.

¹² В. А. Жуковский. О сатире и сатирах Кантемира. Собрание сочинений в 4-х томах, т. 4, Гослитиздат, 1960.

¹³ К. Н. Батюшков. Вечер у Кантемира. Сочинения. М., Гослитиздат, 1955.

стихотворной формы сатир Кантемира, слава которого, как казалось Гречу, не меркнет с течением времени, а «блистает еще большим светом»¹⁴, Вяземский отмечает в сатирах Кантемира прежде всего их боевой гражданский пафос и жизненность. Для него Кантемир — ученик и прямой продолжатель преобразовательной деятельности Петра в культурной жизни, бесстрашно изгоняющий из общества «дурачества» и пороки.

Ломоносовское начало представлялось Вяземскому «однозвучным» и ложным, в то время как в кантемировском он склонен был видеть большие потенциальные возможности. «Ломоносов в роде сочинений, им избранным, мог действовать только в чисто литературном, а не в гражданском смысле, — настойчиво утверждал Вяземский, — Кантемир действовал бы равно в том и другом. Какие благодетельные последствия повлеклись бы за началом литературы нашей, если бы первым классическим стихотворением были сатиры, а не оды!»¹⁵.

Подобная недооценка исторического значения творчества Ломоносова была свойственна и А. С. Пушкину, писавшему в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833—1834) следующее: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, написанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Это влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается»¹⁶.

Рассуждения Вяземского о двух началах предвосхитили в общих контурах теорию Белинского об «идеальном» и «реальном» направлениях в русской поэзии. Но если Вяземский, проведя обобщающие нити от Кантемира к Сумарокову, Фонвизину, Державину и Крылову, теряет дальнейшую историческую перспективу, то Белинский целиком связывает исследование кантемировского направления с процессом развития и становления реализма в русской литературе от Кантемира до Гоголя¹⁷.

Значительное место в концепции Вяземского занимает проблема национальной самобытности русской литературы.

Идея самобытности русской литературы, выдвинутая самим объективным ходом литературного процесса, была подхвачена декабристами и стала главной целью их идеологической борьбы. Но, восставая против «чужезластная мод» в литературе и страстно взывая к самобытности, декабристские критики не видели элементов этой самобытности в русской литературе XVIII в., считая ее полностью подражательной. Самое понятие подражания абсолютизировалось многими критиками, в результате чего ими не мог быть правильно понят его относительный характер в национально-исторических условиях России, и, следовательно, реальные пути, ведущие к самобытности литературы, оставались для них непостижимы.

Более близок к истине был Вяземский. Как и Бестужев и Кюхельбекер, Вяземский признавал иностранное влияние на русскую литературу XVIII в., но его взгляды на это явление отличались большей глубиной и сложностью.

«Слишком долго поэзия русская чуждалась природных своих источников и — почерпала в посторонних родниках жизнь заемную, в коей

¹⁴ Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб, 1822, стр. 112.

¹⁵ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений в 12-ти томах, т. 1. СПб, 1878, стр. 269. В дальнейшем ссылки на это издание (тт. 1—12, 1878—1896) даются в тексте с указанием в скобках номера тома и страницы.

¹⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 11. Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 249.

¹⁷ См.: А. Лаврецкий. Историко-литературная концепция Белинского. — В кн.: «Белинский — историк и теоретик литературы», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

отозвалось одно искусство, но не отзывалось чувству биение чего-то родного», — сетовал Вяземский в 1822 году (1, 78). Однако он не ограничивается только признанием самого факта подражания, он доискивается в истории России XVIII в. причин, обусловивших это явление, и приходит к выводу, что оно имело объективный характер и объяснялось более высоким в то время уровнем развития европейских литератур по сравнению с русской литературой, а также тем, что господствовавший в то время французский классицизм с характерным для него стремлением к постановке общечеловеческих проблем был наиболее удобен в качестве образца для подражания.

Драмагурия в национально-исторических условиях России XVIII в. понималась Вяземским как явление чужеродное, перенесенное на русскую почву в готовом виде, как срубленное дерево, воткнутое в землю. «Наша драма подкидыш»¹⁸, — заметил Вяземский по этому поводу. Примечательно, что Пушкин одним словом «Прекрасно!» выразил свое полное согласие с этой мыслью Вяземского¹⁹.

Учение у других литератур признавалось Вяземским делом нужным и исторически оправданным, и если Сумароков своими «худыми трагедиями» кинул русское «драматическое искусство на узкую дорожку французов», то это случилось лишь потому, что он был «первенцем», исполняющим возложенную на него историческую миссию²⁰. Но даже в таком ученичестве, по убеждению Вяземского, пробивается стремление к самостоятельности, потому что дарование редко сразу находит свою дорогу: «обыкновенно оно тащится несколько времени по следам предшественников, а там уже вдруг освобождается от ига суеверного подражания» (1, 135).

Стремление к освобождению от вериг подражательства Вяземский замечает уже в творчестве Сумарокова, не лишённого элементов самобытности. «При подражании приемам западной, так называемой классической литературы, личная своеобразность Сумарокова часто пробивается, — отмечал Вяземский. — В нем бьет русская струя... В стихах нередко, в прозе почти всегда он оригинален» (8, 348). Еще выше оценивается Вяземским деятельность Фонвизина, который один «умел быть оригинальным среди подражателей»²¹. Так, преодолевая барьер недооценки Фонвизина, Вяземский приблизился к пушкинскому пониманию истинного значения творчества «сатиры смелой властелина»²².

Понимая оригинальность несколько сужено — как творческую независимость автора от образцов — Вяземский слишком высоко и явно гиперболически оценивает талант Державина: «Из всех поэтов, известных в ученом мире, может быть Державин более всех отличался оригинальностью» (1, 17). Даже несомненные элементы подражательности, имеющие место в поэзии Державина, приобретают в глазах Вяземского достоинства самостоятельности, так как «в самом подражании его нет ничего робкого, заимственного» (1, 17).

Убежденность в том, что литературный процесс неотвратимо развивается в направлении национальной самобытности, сочетается в Вяземском с жгучей ненавистью к тем скептикам, которые, не замечая

¹⁸ П. А. Вяземский. Фонвизин, стр. 172.

¹⁹ См.: Новонайденный автограф Пушкина. Подготовка текста, статья и комментарии В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. М.—Л., «Наука», 1968, стр. 44.

²⁰ П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 38.

²¹ П. А. Вяземский. Фонвизин, стр. 18.

²² О расхождении в оценке Фонвизина см.: П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII в. Издательство Ленинградского университета, 1964, стр. 43—44.

этого, «с досадою жалуются, что у нас чужемыслие, чужечувствие, чужезычие господствуют в словесности, что у нас мало своего, русского; что никто не старается дать поэзии нашей направление народное» (1, 182). Равным образом достается от Вяземского и недоброжелателям типа французского писателя Ансело, отрицающего самую возможность существования самобытной русской литературы.

Самобытность литературы, по Вяземскому, наиболее полное выражение получает в романтизме, поэтому и весь литературный процесс прошлого понимается им как движение к романтизму. Признаки романтической поэзии — черты народности и местности — он пытается отыскать в творчестве классицистов. Так, уже в стихотворении И. И. Дмитриева «Ермак» он замечает «краски местные и сродные лицам и сцене, на коей они действуют» (1, 129). Дальнейшее развитие народность получает в творчестве И. М. Долгорукова, Державина, Крылова, Пушкина. Острой, но вполне справедливой критике подвергает Вяземский «исторические» поэмы Хераскова, в которых ничего национально-русского нет, потому что автор «в своих картинах не заботился совсем о местной краске»²³.

Следует отметить, что в самом понимании Вяземским народности наблюдается некоторая непоследовательность. Так, признавая «житийскую» народность басен Крылова, он совершенно безосновательно включает в разряд народных салонно-изысканные басни Дмитриева; к романтическому роду он не прочь причислить и трагедии Озерова, который, как утверждает Вяземский, «если не формами, то, по крайней мере, духом своей поэзии совершенно отчуждался от французской школы» (1, 75). Против отнесения Озерова к романтикам, как известно, возражал Пушкин²⁴.

В борьбе за народность литературы Вяземский продолжает традицию, восходящую к Карамзину. В частности, в требовании его «черпать вдохновения в источнике истории народной жизни» (1, 130) слышен отзвук призыва Карамзина, ратовавшего за народно-песенный характер произведений на исторические темы и считавшего свою «богатырскую» сказку «Илья Муромец» в метрическом отношении «совершенно русской, народной»²⁵.

Такое понимание народности едко высмеял позднее Кюхельбекер. В дневниковой записи, сделанной им в 1832 г., читаем: «Так называемые русские песни светской фабрики редко бывают сносны: русского в них, кроме размера, мало чего найдешь»²⁶. О повести Карамзина «Марфа Посадница» тот же Кюхельбекер с сожалением говорит, что в ней «так мало прямо народного, подлинно русского»²⁷.

В пору наивысшего расцвета теоретической мысли Вяземского его взгляд на народность литературы настолько отдаляется от наивных карамзинских представлений о народности, что критик отваживается обвинить Карамзина в незнании простонародного говора, изысканности языка, «антирусских» усечениях и пр. Как явствует из «Замечаний на повесть Н. М. Карамзина «Марфа Посадница»²⁸, не предназначавшихся для печати, мнения Вяземского об этой повести удивительно сходны с главной мыслью Кюхельбекера.

²³ П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 47.

²⁴ См.: Н. Богословский. Спор Пушкина с Вяземским об Озерове. — «Красная Новь», 1937, № 1, стр. 98.

²⁵ Сочинения Карамзина, т. 7, стр. 125.

²⁶ Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40-х гг. XIX в. «Прибой». 1929, стр. 73.

²⁷ Там же, стр. 64.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. I, ед. хр. 1009.

Как и многие современники, Вяземский пытается ответить на вопрос о причинах задержки развития русской литературы XVIII века.

Этот вопрос исследуется им всесторонне и значительно глубже, нежели другими историками литературы его времени. Так, если Бестужев ищет причину этого явления во всеобщей галломании, господствовавшей в верхах русского общества, то Вяземский связывает ответ на этот вопрос со сплошной неграмотностью русского народа. Не холодность публики, как думал Булгарин, убивает таланты, а невежество и мрак, в котором находится народ, не дает возможности развиться талантам. С глубокой тоской и вместе с тем с негодованием говорит Вяземский о том, что «вкус к произведениям изящных художеств есть у нас пока одна, если можно сказать, аристократическая принадлежность...», что «этот вкус только одна из отраслей роскоши богатых вельмож» (2, 20). К сожалению, этой здоровой демократической тенденции в мировоззрении Вяземского не суждено было развиться.

Чрезвычайно важной в историко-литературной концепции Вяземского представляется развиваемая им идея единства литературного процесса.

Подобно Пушкину, утверждавшему, что «всякая словесность имеет постыдное развитие и упадок»²⁹, Вяземский рассматривает литературный процесс как непрерывное развитие, побудительной силой которого является стремление к совершенству, а материальным выражением этого развития является эволюция различных компонентов литературы: языка, стиля, жанровых форм. Согласно этой теории все моменты сложного литературного процесса так взаимосвязаны, что настоящее не может возникнуть без участия прошедшего, как и будущее может вырасти только на почве настоящего, ибо будущее, становясь настоящим, «заимствует у прошедшего жиздительные, вспомогательные силы»³⁰, питается его соками. Эти рассуждения Вяземского служат основой для важнейшего теоретического вывода — о преемственности в развитии литературы, имевшего в условиях 20—30-х годов XIX века не только практическое значение в определении отношения к «наследству», но также делавшего возможным предвидение хода развития литературы в будущем. В этом отношении теоретический вывод Вяземского приближался по значению к диалектической формуле Белинского: «Настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее»³¹.

Без учета развития языка, стиля, жанров литературы самобытность А. С. Пушкина многим критикам представлялась явлением совершенно неожиданным, чисто случайным, выходящим из общего круга господствовавших представлений. Для Вяземского же поэзия Пушкина — итог развития всей русской литературы XVIII века, а сам Пушкин — законный продолжатель лучших традиций предшествовавшей ему литературы. Показательно в этом отношении письмо Вяземского к М. П. Погодину. «Зачем вы на себя клеплете, — упрекал Вяземский ученого, — что ваше поколение воспитано на стихах Ломоносова, Хераскова? Неужели до Пушкина никто из нас не читал Дмитриева, Жуковского, Батюшкова? Вот поколение, из которого прямо вышел Пушкин. Язык стихотворный был уже установлен. Пушкин разнообразил его, придал ему новые ноты, напевы, но не создал его» (7, 226).

Общий характер развития литературы Вяземский наблюдал в становлении «нового слога». Применив сравнительно-исторический метод к анализу эпистолярного стиля Сумарокова, Ломоносова, Фонвизина

²⁹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 25.

³⁰ П. А. Вяземский. Фонвизин, стр. 295.

³¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 3.

и Карамзина, Вяземский в письмах последнего уже за 1787 г. обнаружил «что-то неправильно образованное, но пытающееся идти своим шагом и проложить себе свою дорогу»³². Это ничтожное «что-то», развиваясь, определило своеобразие стиля Карамзина, а с началом издания «Московского вестника» оно перешло в новое качество. Так, по определению Вяземского, началось «новое летоисчисление» в истории русской прозы. «В сем издании, — подчеркивал Вяземский, — на мрачных развалинах готических положено первое основание здания правильного и светлого нашей возрождающейся словесности» (1, 122).

Замечательно, что и вкус — едва ли не главная категория эстетической критики — признается Вяземским категорией исторической, следовательно, несостоятельной в качестве всеобщего оценочного критерия. На этом основании он отвергает формулу Карамзина, согласно которой сам Карамзин и его современники «творили вовремя, а потому для вечности» (7, 372). Аргументация Вяземского может считаться вполне убедительной: «Как мы многое отвергли из того, что перешло к нам от дедов, так и XX век, который уже не за горами, вероятно, отвергнет многое, чем мы ныне так шеголяем и гордимся... Нынешние страстные нововводители будут в глазах внуков наших запоздалые старообрядцы» (7, 372). Это можно понимать как предсказание исторической судьбы творений самого Карамзина.

Нетрудно заметить, что историко-литературные взгляды Вяземского во многом сходны с высказываниями А. С. Пушкина по вопросам истории русской литературы и по справедливости должны быть признаны значительным достижением начального этапа формирования отечественной литературоведческой науки. Некоторые историко-литературные суждения Вяземского предвосхитили главные черты историко-литературной концепции В. Г. Белинского. Рассуждения о двух началах в истории русской поэзии, попытка рассматривать историко-литературные явления в их единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности — все это, несомненно, ставит имя Вяземского на одно из первых мест в ряду историков русской литературы, предшественников В. Г. Белинского. Большой интерес представляют высказывания Вяземского о путях развития национальной самобытности русской литературы. Однако, не связывая развитие литературы с постепенным нарастанием в ней элементов реализма (к пониманию качественного своеобразия которого он был близок), Вяземский не смог окончательно решить поставленные им вопросы. Это оказалось под силу только Белинскому, вооруженному революционно-демократической идеологией и диалектическим методом познания.

³² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. I, ед. хр. 1015 (2).